

Н.К. Данилова (Россия, Самара)

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ

Статья содержит обобщение итогов изучения системных процессов, определяющих реализацию повествовательного дискурса, или акта рассказывания, в современной малой прозе ФРГ. В основу наблюдений положена идея относительно существования в художественной практике вербальных алгоритмов, формирующих целостную систему высказываний.

Ключевые слова: повествовательный дискурс, субъектная перспектива, модус, прагматическая матрица, вербальный алгоритм, немецкий язык.

Состояние исследований нарративной организации в настоящее время вызывает необходимость обращения к преобладающему в современной процессуально-деятельностной парадигме языкознания пониманию языка как стратегической деятельности, имеющей своей целью конструирование мира повествования.

В ходе наблюдений нами используется когнитивно-прагматический анализ, позволяющий сформулировать основы системного подхода к изучению повествовательного процесса. В рамках данного подхода оказывается возможным объединить понимание стратегической деятельности планирования и реализации авторского замысла с процессами выбора и воплощения этой программы благодаря наличию в художественной практике свойственных ей способов формирования системы высказываний с помощью определенных образцов вербального поведения.

Среди работ последнего времени особое значение для нашего исследования приобретают публикации, посвященные изучению

коммуникативной специфики повествования, характерной для современной прозы. Так, в работах В.И. Тюпы нарративная организация получает освещение как коммуникативное событие рассказывания, демонстрирующее в своем стратегически выверенном протекании единство креативной (субъектной), референтной (объектной) и рецептивной (адресатной) стратегий [Тюпа 2011: 8]. Развивая концепцию В.И. Тюпы, Г.Н. Жиличева выделяет принцип взаимосвязи событийного ряда и коммуникативного намерения, определяющий конфигурацию системы событий, нарративной модальности (типа повествователя) и нарративной картины мира (внешнего и внутреннего хронотопа) [Жиличева 2015: 10-11]. Признавая научную значимость предлагаемых этими авторами решений, касающихся базовых элементов повествования, отметим вместе с тем стремление отечественных ученых к сохранению преимущественно аналитического (уровневого) подхода к описанию явлений, связанных с повествовательным процессом.

Задача определения факторов, обуславливающих развитие и протекание повествовательного процесса, предполагает разработку *интегративного подхода* к исследованию наррации, способного описать явление синтеза-перехода, формирующего целостное повествование. Выбор повествовательного дискурса в качестве объекта исследования позволяет, с нашей точки зрения, приблизиться к решению данной проблемы. *Повествовательный дискурс или акт рассказывания* (*re`cit*), обозначает, согласно определению Ж. Женетта, некоторое событие, однако это событие, свидетельствующее, что некто рассказывает нечто, т.е. речь идет об *акте*, определяющем процесс производства повествовательного текста в качестве конечного продукта [Женетт 1998: 67].

Дальнейшие размышления определены тезисом В.Б. Шкловского, содержащим утверждение о том, что повествование представляет собой последовательность целенаправленных действий, определенную тем, что искусство суть «способ пережить делание вещи» [Шкловский 1925]. Преобладание процессуального начала над конечным результатом подчеркнуто замечанием автора отно-

сительно того, что «сделанное в искусстве не важно», так как целью является «вывод вещи из автоматизма восприятия». Идея процессуальности приобретает особое звучание благодаря сделанному В.Б. Шкловским акценту на создании «видения вещи» с помощью слов.

Понимание того, как протекает процесс «делания вещей с помощью слов», предполагает описание языковых механизмов этого явления. В лингвистическом анализе основанием для построения динамической модели повествовательного процесса становятся конструктивные элементы, определяющие способы конструирования возможных миров в ходе разворачивания повествования и выступающие одновременно как система отсчета, а в нашей терминологии, *прагматической матрицы*, определяющей способы конструирования фикционального мира и взаимопонимания участников художественной коммуникации. Пространством использования прагматической матрицы в повествовании является, по нашему мнению, повествовательный дискурс, или акт рассказывания, а формой реализации – субъектные перспективы, воплощению которых служат личные местоимения и глаголы с недескриптивной семантикой, репрезентирующие чередование пропозиционных установок в последовательности высказываний.

Повествовательный дискурс, определяющий характер протекания процесса повествования, обладает двойным статусом: с одной стороны, он выполняет диегетические функции, с другой, включает повествование в дискурсивный «круговорот». Это открытая множеству интерпретаций *коммуникативная форма*, благодаря которой автор вступает в диалог с читателем, а через него с обществом. Функции повествовательного дискурса как коммуникативной формы заключаются в способности служить своего рода *регулятивной* инстанцией для взаимодействия участников общения.

Сложность описания повествовательного дискурса объясняется его виртуальной природой, поскольку процесс рассказывания обретает эксплицитно выраженную языковую форму только в том

случае, если повествование ведется от лица рассказчика или персонажа, а в изложении от третьего лица оказывается сложно установить источник и способ, каким реализован акт повествования. Протекание процесса рассказывания сохраняет плавность и целостность повествования, однако не всегда удастся выяснить, кто повествует в том случае, если источник информации скрыт в глубинах повествования. Неполная формальная выраженность повествовательного дискурса несет в себе информацию особого рода, интерпретация которой требует использования специальных процедур, позволяющих восполнить недостающие сведения.

Исходя из положения о вербальном поведении индивидуумов как стратегической деятельности, определяемой целями и планом их реализации, мы рассматриваем *процедуру «полагания субъекта» как выбор определенных речевых действий, которые, будучи элементарными базовыми единствами деятельности*, отсылают к отношению «субъект – объект», к системе знаний партнеров и к социальным условиям общения.

Развертывание динамической системы смысла в акте рассказывания исследуется нами как многофазный процесс, в котором можно выделить отдельные фазы развития дискурсивного смысла, созданные единством субъекта высказывания. В каждой отдельной секвенции создается определенным образом организованная система смысла, однако ее развитие требует перехода в иное состояние, чему служит смена субъекта высказывания. Процедура заполнения субъекта высказывания с помощью прагматических переменных (местоименных форм) предполагает понимание выбора «референциальных исполнителей» как значимых «ходов» в стратегической деятельности производства и восприятия смысла. Используемая нами модель «матрицы» позволяет рассматривать процедуру «полагания субъекта» как интенционально обусловленный выбор, определяющий характер развертывания повествовательного дискурса.

Роль субъекта высказывания может получить наиболее полное описание, согласно нашей гипотезе, в составе матричной проце-

дуры, а именно: субъектной перспективы, реализующей различные *способы полагания мира*. В «жизни человека в языке», по мнению Б.М. Гаспарова, выделены две подобные перспективы [Гаспаров 1996: 240-241]. Одна из них определяется погруженностью субъекта в континуальный поток опыта, мысли о мире растворены в экзистенциальном потоке. Другая перспектива определяется тем, что субъект мыслит и действует по отношению к миру, а объект его мысли и действия оказывается «внешним миром», т. е. объектом в истинном смысле слова.

Употребление той или иной языковой формы представляет собой акт утверждения определенного способа видения действительности. Модусы, реализующие различные способы видения мира, располагают в языке системой языковых средств, специализированных на их выражении или функционально мобильных и способных выступать в этой функции. В этой системе средств особое место занимают местоименные формы, активно участвующие, по нашему мнению, в формировании системы отношений, в которой создается и развивается смысл целого.

Выразительным свидетельством того, как реализуется авторская стратегическая программа конструирования мира повествования через игру и комбинаторику модусов, является, например, повествовательный дискурс (акт рассказывания) в рассказе Вольфганга Вейрауха (*Wolfgang Weyrauch, 1904 -1980*) “*Im Gänsemarsch*“ (Гуськом).

Исходная секвенция этого рассказа содержит указание на принадлежность изображаемых событий миру воображения рассказчика: “*Ich stelle mir vor, wie der Feldwebel, ein fieser <...>, schwachsinniger Mensch, <...>“Achtung“ rief <...>*”. Воображаемый мир представлен в когнитивной перспективе субъекта восприятия (перцептора), что придает ему осязаемость и достоверность, подчеркнутые выбором коммуникативной перспективы субъекта речи *ich* и актуальным модусом изображаемых событий, выражению которого служит форма настоящего времени перцептивного глагола *sich vorstellen*.

Все последующее изложение определено сменой перцептивной перспективы объектным статусом повествования, что не исключает разнообразную комбинаторику модусов изложения, определяющую повествовательный процесс. Целостность событийной структуры задается спецификой языкового плана рассказа, представляющего собой обширный синтаксический период, в котором содержится значительное количество (30) придаточных предложений образа действия, развивающих главное предложение и получающих завершение только в конце повествования: (2) *wie er als erster, dass sollte etwas heißen, der Feldwebel ist nicht mehr als die Rekruten <...> in das Wattenmeer stapfte <...>* (2) *wie die fünfundsiebzig ihm folgten, im Gänsemarsch <...>* usw. (S.241).

Обе исходные секвенции выстраивают категориальную структуру повествования, определенную выбором субъектных перспектив, в которых представлена комбинаторика имплицитной роли субъекта речи и перспектив субъектов действия в событийной структуре (ER – SIE), что придает им статус изображаемых объектов (см. о разграничении субъектных и личных местоименных форм [Бенвенист 1998: 299]). Преобладание событийного плана в начале рассказа связано с намерением автора ввести сцену изложения, содержащую пространство, время и главных и второстепенных участников событий: (3) *wie er nicht am Ufer entlang stapfte, sondern mitten in das Wattenmeer hinein, obwohl es Nacht war, Nacht mit Wolken und Nebel, <...>* (4) *wie er an nichts dachte, an gar nichts, außer an den Befehl, den er gegeben hatte <...>* (5) *wie sie dann doch, weil ihnen nichts anderes übrig blieb, zu denken anfangen.*

Выбором ментального предиката автор переводит изложение в рефлексивную плоскость, что позволяет ему представить происходящие события через личностные истории персонажей, это определяет разнообразие способов переживания событий, репрезентируемое динамикой модусов. Объектный статус второстепенных участников событий нарочито подчеркнут в финале повествования следующим комментарием нарратора: *sie hießen nicht Anton, Bern. Christian, Donald, Ezechtel, Frederic, sondern eins, zwei, drei,*

vier, fünf, sechs (S.246). Однако последовательно избираемые автором нарративные стратегии вступают в последующем изложении в конфликт с этим утверждением.

В истории первого участника содержится обоснование происходящих событий: (6) *wie der erste sich an das Exerzieren erinnerte, das den nächtlichen Ausmarsch veranlasst hatte*. an das Singen des albernen Liedes von den Mädchen, die *treu* sind, aber in der Wirklichkeit sind sie gar nicht *treu* <...> (S.242). Нарративная стратегия *novellistischer*, определенная импликацией субъекта речи, содержит в данном случае вместо позиции грамматического субъекта действия (*stapfen, folgen*) когнитивную перспективу субъекта рефлексии, реализующую пропозициональную установку, выраженную ментальным предикатом *sich erinnern*. Субъектный статус рефлексора создает возможность введения алетического (негативного) модуса в акт рассказывания: <...> *aber in der Wirklichkeit sind sie gar nicht treu* <...>.

Разнообразие нарративных стратегий, используемых В. Вейраухом, разрушает однообразие синтаксической организации повествования, создавая глубину и объем изложения и формируя специфическую концептуальную архитектуру этого рассказа. Все последующие личные истории демонстрируют динамику модусов, определяющих актуальный состав субъектных перспектив в отдельных фазах повествовательного процесса: (7) *wie der zweite an die Plakate der Magazine dachte*, die auf dem Bretterzaun neben dem Vorortbahnhof klebten, damals, als er im Urlaub war, *Männer weinen mehr, als die Frauen ahnen* <...>, *Verrat in der Wüste, die Einsame von Teheran, ich war ihr hörig*; (8) *wie der dritte sich überlegte*, ob es nicht besser wäre, sich umzubringen <...> *ich muss es so machen, dass ich gleich tot bin* <...>; (9) *wie der vierte sich ausmalte*, dass alle zum Appel angetreten sind, <...> *ich sage so laut, dass alle es hören können, ich verachte Sie, Herr Feldweibel*; (10) *wie der fünfte ab die letzte Geländeübung dachte*, als sie berichten sollten, was für strategische Punkte ausmachen sollten, *gut für die Verteidigung, gut für den Angriff* <...> (S.242-243).

Нарративная стратегия повествователя, созданная нулевой коммуникативной перспективой субъекта речи и когнитивной перспективой рефлексора, во всех случаях завершается персональной перспективой, объединяющей субъекта речи и субъекта рациональной или эмоциональной рефлексии и утверждающей тем самым личностный статус участника событий.

Благодаря выбору иной комбинации модусов в завершениях секвенций, перспектив субъекта рефлексии и субъекта речи (*ich war ihr hörig, ich muss es so machen, dass ich gleich tot bin <...>, ich sage so laut, dass alle es hören können, ich verachte Sie, Herr Feldweibel*) изложение обретает глубинный смысл. В категориальный план изложения вводится тем самым противопоставление представленного не-субъектной (личной) формой *er* центрального персонажа рассказа второстепенным участникам событий, обретающим с помощью субъектных форм *ich* право голоса и собственную историю.

В итоге проведенного анализа можно сделать ряд выводов относительно вербализации повествовательного процесса. Акт рассказывания, или повествовательный дискурс, представляет собой, как следует из наших наблюдений, последовательность языковых операций, реализующих процесс формирования фиктивного мира повествования с его неповторимой субъектно-объектной диспозицией и тем особым способом концептуализации действительности, который отражает авторское миропонимание.

Итоги анализа подтверждают наличие в художественной практике *алгоритмов* вербального поведения, следование которым обязательно для участников литературной игры, речь в этом случае идет не об отклоняющихся от нормы особенностях сделанного автором выбора, а о системе обязательных и повторяющихся языковых фактов. Языковые способы регулирования последовательности высказываний (повествовательного дискурса), свидетельствуют о существовании в исследуемой нами коммуникативной практике определенных устойчивых образцов вербального пове-

дения, которые могут получить интерпретацию в составе динамической модели нарративной интеракции.

Относительно устойчивая система, регулирующая распределение высказываний в художественной практике, обеспечивается внешней системностью, в условиях которой существует объект. Влияние контекста уравнивается «пустотой» субъектной позиции, заполненной местоименными формами, и функциональной природой этого явления. В итоге местоименная форма обретает способность выступать в качестве своего рода «призматического «субъекта», которая в ходе заполнения различными переменными становится центром процедур актуализации, созданных комбинациями коммуникативных и когнитивных перспектив, что, в конечном итоге, обеспечивает формирование разнообразных нарративных стратегий, используемых для реализации авторского замысла.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С.292-300.

2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

3. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры III. Т. 2. – М.: изд-во Сабашниковых, 1998. С.60-276.

4. Жиличева Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа: на материале русской прозы 1920 – 1950-х гг. Автореферат дисс. на соиск. ученой степени доктора филол. наук. – М., 2015. 51с.

5. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 9.

6. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.:Круг, 1925. С.7-20 [Электронный ресурс] <https://www.orojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (Дата обращения 20.12.2022).

Источники

1. Weyrauch Wolfgang. Im Gänsemarsch // Erzählte Zeit. 50 deutsche Kurzgeschichten der Gegenwart. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1980. S.241-300.

N.K. Danilova (Samara, Russia)

NARRATIVE STRATEGIES IN GERMAN SHORT FICTION

The article contains the results of the study of systemic processes that determine the implementation of narrative discourse, or the act of storytelling, in modern German short prose. The observation is based on the idea of the existence of verbal algorithms that form an integral system of statements in accordance with the rules of artistic practice.

Keywords: *narrative discourse, subjective perspective, modus, pragmatic matrix, verbal algorithm, German.*